

Замѣтки о русской беллетристикѣ

"Аполлонъ", No 2, 1909

OCR Бычков М. Н.

Есть писатели-затворники. Они гордо, пусть даже просто самонадѣянно -- что-жъ изъ этого?-- замкнулись въ своихъ кельяхъ, чтобы молиться своимъ иконамъ, а на жизнь смотрѣть лишь черезъ свои стекла, они ничего не ищутъ сами, эти одинокія души; они только ждутъ, чтобы отразить пришедшее -- и то не все, а лишь нѣкоторое, избранное, -- въ своемъ самоцвѣтномъ я.

Есть писатели -- фотографы-моменталисты. Эти ничего не отражаютъ. Ихъ credo -- степень чувствительности объектива, а тамъ -- не все ли равно кого и что, воспользовавшись минутнымъ солнцемъ, удалось имъ защелкнуть своимъ быстрымъ и неразборчивымъ кодакомъ: уличную-ли драку, отправленіе-ли войскъ на Дальній Востокъ, влюбленную-ли пару на скамейкѣ сквера, или, наконецъ, просто толстаго господина съ поднятой для шага ногой. Что же, и они имѣютъ свое мѣсто, а вещи ихъ могутъ быть иногда даже интересны, по крайней мѣрѣ для любителей фотографіи...

Я бы ушелъ слишкомъ далеко за межи своихъ замѣтокъ, если бы сталъ говорить о всѣхъ развѣвающихся флагахъ современныхъ беллетристическихъ группъ,-- вѣдь почти всѣ они будутъ все-таки на одномъ изъ этихъ береговъ. Но есть и особый родъ писателей: это ужъ на какомъ-то островѣ, что-ли... Имъ некуда идти, но зато они должны волноваться, потому что когда-то давно, кто-то большой и строгій неосторожно сказалъ имъ, что писатель, да еще русскій, обязанъ волноваться и возмущаться. И вотъ, время отъ времени, кто-нибудь изъ нихъ сочтетъ своей обязанностью, среди прочаго, -- по чеховскому выраженію -- "нарочно сочинить стихи про дурного городского". Они давно отдѣлились, давно уже все рѣшили и давно уже все сказали. И все-таки, право, я люблю этихъ милыхъ, этихъ честныхъ и скучныхъ островитянъ, и когда въ длинный октябрьскій вечеръ я разрѣзалъ "Этюды" М. Арцыбашева, новую книгу его рассказовъ, мнѣ было весело предчувствовать, что сейчасъ пойдетъ "вся волнуясь на ходу", молодая и красивая женщина, а потомъ -- въ другомъ рассказѣ -- "бѣлое кружево капота" будетъ обнажать ея "полные розовые локти". Вѣдь это-же та самая, которую и раньше Арцыбашевъ столько разъ заставлялъ волноваться на ходу и обнажать полные розовые локти передъ демоническими взглядами царевно-кокшайскаго сверхъ-человѣка и разныхъ другихъ знатоковъ... А когда я дошелъ до рассказа ("Мужикъ и баринъ", то уже заранѣе зналъ, что если мужикъ будетъ худой и "похожій на комъ грязи", то, логически, баринъ долженъ быть толстый, "въ чистой чесучовой парѣ" и непременно съ дворянской фуражкой на головѣ, что мужикъ будетъ становиться на колѣни, а баринъ гордо пить чай, купаться и читать газету... что голоднаго мужика выгонять, а сытаго барина убьютъ... Развѣ все это не строго логично? Я навѣрное зналъ, что въ объятіяхъ кого-нибудь изъ героевъ "Этюдъ" будетъ трепетать чье-нибудь "теплое тѣло" -- и, дѣйствительно, оно затрепетало на стр. 157, въ объятіяхъ карательнаго драгунскаго офицера, а потомъ, уже въ другомъ рассказѣ, офицеръ, махая бѣлой перчаткой, будетъ сѣчь и казнить невинныхъ людей. "Съ тѣхъ поръ, какъ у проститутки Сашки провалился носъ, и ея когда-то красивое и задорное лицо стало похоже на гнилой черепъ" -- смакуетъ Арцыбашевъ (начало рассказа "Счастье") ... "что-то хрустнуло, какъ разрубаемое мясо, что-то противно хлюпнуло и брызнуло на стѣну" ("Мужикъ и баринъ") -- сдавленно шепчетъ онъ, дѣлая страшные глаза... а мнѣ, право, не страшно, даже, пожалуй, хочется улыбнуться: кажется, я уже гдѣ-то читалъ такое начало, про Сашку, едва-ли не въ чьей-то пародіи. И не страшно мнѣ не потому, чтобы я былъ не чувствителенъ къ хаотическому кошмару современности, а потому, что здѣсь, у Арцыбашева всѣ эти насилія, убійства, разстрѣлы, надругательства надъ раздѣтыми на морозѣ проститутками -- все это пріобрѣтаетъ видъ чего-то ненастоящаго, какого-то "нарочно", и вмѣсто правдиваго ужаса жизни я отлично вижу просто ручного и безвреднаго арцыбашевскаго "буку". А вѣдь въ началѣ своего пути Арцыбашевъ написалъ "Смерть Ланде", написалъ "Ужасъ", отъ котораго дѣйствительно иногда становилось холодно...

Милые, честные, скучные островитяне... В. Муйжель. Его "Земная" открываетъ собой беллетристическій отдѣлъ альманаха "Смерть". И опять мы читаемъ и про стараго больного мужика, и про старую измученную землю, и про то, какъ вѣрилъ старый и больной мужикъ въ старую и измученную землю. И можно съ полной увѣренностью сказать, что въ какой-бы альманахъ ни пришли муйжелевскіе герои, всюду они обречены вздыхать тѣми же скорбными вздохами и вѣрить въ измученную землю. Мужичья смерть... легко-ли?... а мужичья смерть у Толстого?

Разъ пришлось коснуться альманаха "Смерть", то не лишнее будетъ сказать и о нѣкоторыхъ